

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотекы городскихъ училищъ.

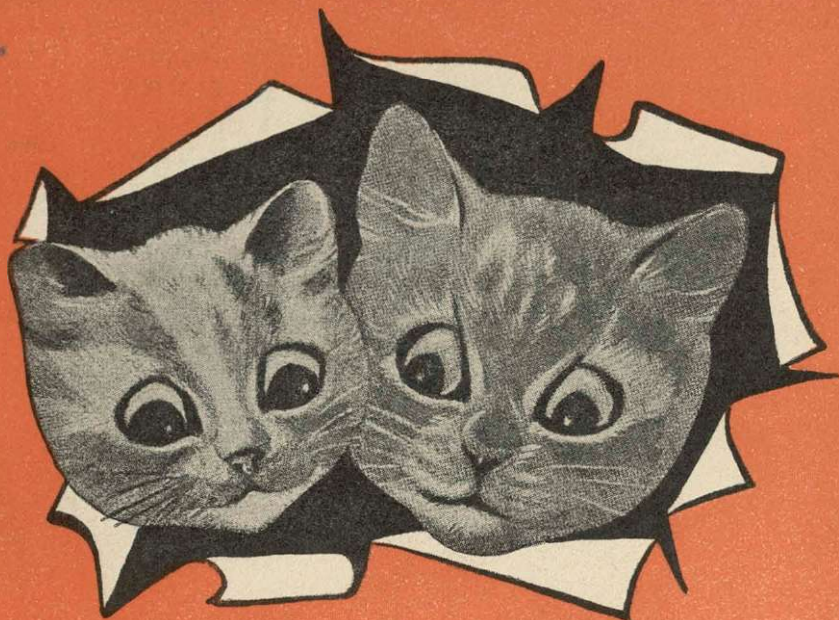
XVII 45
10

Годъ изданія третій

ФЕВРАЛЬ

№ 8.

1910.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИХОДЪ ВЕСНЫ.
ВЪ ЗИМНІЯ СУМЕРКИ.
НА ЗАРЬ НОВОЙ ЖИЗНИ
(историческая повѣсть).
ОЧАРОВАННЫЙ ЛЕБЕДЬ.
МАРТЫШКА И МУЗЫКАНТЪ.
ШУТОЧНЫЕ ВОПРОСЫ, ШАРА-
ДЫ, АРИФМОГРАФЫ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

„Сѣдая старина“ (легенды о бы-
ломъ) соч. А. Г. Гербертсонъ
(листь 3-й съ раскрашенной
картинкой)

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

ПРИХОДЪ ВЕСНЫ.

Грачи, грачи! Прошелъ ужъ ледъ,
Ручьи стремятся съ шумнымъ бѣгомъ
И, чередуясь со снѣгомъ,
Ужъ теплый дождь порой идетъ.

Скворцы, скворцы! Бурбѣтъ лѣсъ,
Ужъ на деревьяхъ пухнуть почки,
Глядятъ подснѣжники-цвѣточки
И свѣтитъ солнышко съ небесъ.

Сирень, сирень! Ужъ отцвѣли
Сады вишневые и сливы
Ужъ зеленѣютъ ярко нивы
И коростель кричитъ вдали...

Весна, весна! Среди полей
Мычатъ стада, свирѣль играетъ
И сладко пѣсни распѣваетъ
Въ кустахъ прекрасный соловей.

Кузнечикъ.

Сладкій сонъ.

ВЪ ЗИМНІЯ СУМЕРКИ.

Были холодныя зимнія сумерки. Тяжелыя, сѣрыя облака нависли надъ землей и угасавшій день казался еще мрачнѣе.

Я тяжело ступаль по глубокому снѣгу и не обращаль вниманія на холодный вѣтеръ, дувшій мнѣ прямо въ лицо. Сегодня я опять получилъ двойку и теперь уже, вѣроятно, останусь въ томъ-же классѣ и на слѣдующій годъ.

Эту двойку поставилъ мнѣ нашъ учитель Петръ Никитичъ, котораго я такъ сильно не любилъ. Этотъ старый Петръ Никитичъ, или, какъ мы прозвали его «Пѣтухъ», меня слишкомъ строго спрашиваль, съ умысломъ вызваль и съ умысломъ «заставилъ» меня получить двойку, чтобы оставить меня на второй годъ; онъ меня не могъ терпѣть, я былъ увѣренъ въ этомъ, и со злостью ворчалъ на него, чтобы успокоить свое бѣдное сердце. Теперь я шелъ къ своему дядѣ Ванѣ, чтобы открыть передъ нимъ свою наболѣвшую душу. Дядя Ваня меня пойметъ и поможетъ мнѣ. Онъ не допуститъ такой жестокой несправедливости къ своему племяннику; кромѣ того, онъ знакомъ съ нашимъ директоромъ, онъ расскажетъ ему все, и тотъ приметъ мѣры... — И уже при одной только мысли объ этомъ, я сталъ веселѣть.

Дядя Ваня жилъ въ маленькомъ

домикѣ, на краю города. Полковникомъ онъ участвовалъ въ турецкой войнѣ, но, потомъ, по болѣзни вышелъ въ отставку и проводилъ теперь въ нашемъ городѣ закатъ своихъ дней въ тихомъ уединеніи. Сколько я могу припомнить, я всегда любилъ этого привѣтливаго старика. Я выросъ у него на глазахъ и онъ съ своей стороны любилъ меня. И теперь, когда ревматизмъ приковаль его къ креслу, я пользовался правомъ ежедневно посѣщать его и проводить у него цѣлые часы. Это всегда было для меня праздникомъ, такъ какъ дядя часто любилъ рассказывать мнѣ о войнѣ и о своей молодости. Онъ былъ единственнымъ человѣкомъ, передъ которымъ я открываль свою душу, которому я довѣряль, потому что онъ лучше всѣхъ меня понималь. Вся надежда теперь была на него. И я бѣжалъ къ нему, чтобы рассказать ему обо всемъ.

На звонокъ, мнѣ открыль дверь его старый слуга, бывшій еще на войнѣ его денщикомъ.

Стрѣлой я поднялся по лѣстницѣ, сбросилъ съ себя пальто и влетѣль въ комнату дяди.

— Здравствуй дядя-Ваня! сказалъ я ему.

Онъ подняль глаза съ книги, которую читаль, и ласково улыбнулся, увидѣвъ меня.

— Здравствуй, отвѣтилъ онъ.—Гдѣ это ты такъ долго пропадалъ? Я уже давно ожидаю тебя...

И замѣтивъ, что я взволнованъ, что мои глаза еще красны отъ слезъ, онъ притянулъ меня къ себѣ.

— Кажется, ты сегодня плакалъ? спросилъ онъ меня.

Душившій меня приступъ раздраженья придалъ мнѣ особую красно-рѣчивость. Я рассказалъ ему о томъ, какъ ко мнѣ сегодня придирался «Пѣтухъ», нарисовалъ ему все мое страданіе въ самыхъ яркихъ краскахъ, причемъ всячески старался всю вину взвалить на «Пѣтуха» и выставить его тираномъ.

Дядя Ваня внимательно слушалъ меня и терпѣливо ожидалъ, пока я кончу. Чуть-замѣтная улыбка проскользнула по его лицу. Затѣмъ онъ ближе притянулъ меня къ себѣ, обнялъ и сталъ ласково гладить меня по головѣ.

— Видишь-ли, мой мальчикъ, началъ онъ наконецъ,—будь я такъ же молодъ, какъ и ты, я, конечно, взялъ-бы твою сторону и сталъ-бы ругать этого твоего «Пѣтуха». Но жизнь многому насъ учитъ и къ старости мы имѣемъ уже достаточный запасъ опыта. Теперь выслушай меня. Не виноватъ-ли ты самъ? Ты думаешь, что тебѣ дѣйствительно съ намѣреніемъ причинили зло? И развѣ вамъ въ школѣ не желаютъ добра? Или ты думаешь, что твоему учителю доставило особенное удовольствіе по-ставить тебѣ двойку?

— Но вѣдь я-же тебѣ описалъ, какъ нашъ Пѣтухъ! воскликнулъ я.

— А ты его хорошо знаешь? задалъ дядя вопросъ.

— Да лучше, чѣмъ самого себя! Каждое его движеніе, его походку, его странный смѣхъ! О, я его хорошо знаю! Это такой злодѣй!..

— Довольно, остановилъ меня дядя-Ваня.—Ну, а внѣ школы ты когда-нибудь видѣлъ этого господина?

— Нѣтъ, ни разу.

— Такъ это ты называешь знать своего учителя? Что тебѣ могутъ сказать его походка, его смѣхъ? Слышалъ-ли ты хоть разъ, какъ онъ смѣялся у себя дома или въ гостяхъ? Ты молчишь. Да, мой мальчикъ, рѣдко ты въ школѣ узнаешь своего учителя; нужно понять, узнать его въ его частной жизни и тогда ты не станешь пренебрежительно называть его Пѣтухомъ... Быть можетъ, онъ еще больше несчастенъ, чѣмъ ты теперъ... И чтобы ты зналъ, какъ можно легко ошибаться въ человѣкѣ, я расскажу тебѣ сейчасъ то, что было когда-то со мной.

Дядя позвонилъ своему слугѣ и отдалъ ему приказаніе, которое я не совсѣмъ понялъ. Потомъ водворилась тишина и слышно было только равномерное тиканіе стѣнныхъ часовъ. Дядя Ваня, казалось, собирался съ мыслями, и я старался ему не мѣшать. Уже совсѣмъ стемнѣло. Снѣгъ падалъ большими хлопьями и покрывалъ всю землю бархатнымъ бѣлымъ ковромъ.

Затѣмъ снова вошелъ слуга съ пледомъ въ рукахъ. Онъ окуталъ имъ больныя ноги дяди и вышелъ.

Дядя облокотился на спинку кресла и началъ свой разсказъ:

— Я учился въ одной изъ богатыхъ, частныхъ гимназій, сказалъ онъ,—а потомъ уже держалъ военные экзамены и вступилъ въ армію. Будучи ученикомъ четвертаго класса, я представлялъ изъ себя стройнаго юношу, съ большими глазами и открытымъ лбомъ, превосходилъ товарищей по силѣ и по росту, былъ всѣми любимъ и слылъ за способнаго на какую угодно продѣлку. Въ свободное время я отправлялся на лоно природы и гулялъ по лѣсамъ или сѣдлалъ мою маленькую лошадку и носился на ней по улицамъ. Тогда для меня никакихъ преградъ не существовало. Я былъ тогда славнымъ юношей, но все-таки одинъ крупный недостатокъ въ себѣ я имѣлъ: я считалъ себя выше другихъ. Никакого различія между мною—сильнымъ и другимъ—слабымъ, я не дѣлалъ; люди, не подражавшіе мнѣ, были для меня трусы, я на нихъ смотрѣлъ съ презрѣніемъ. Вотъ, какъ разъ за это я и поплатился.

Въ нашемъ классѣ учителемъ греческаго языка былъ нѣкій господинъ лѣтъ сорока, котораго, какъ и въ своего Пѣтуха, мы прозвали почему-то «Сороконожкой».

Его тщедушный видъ, его сине-блѣдное лицо съ рѣденькой бородкой, подслѣповатые глаза и его неувѣрен-

ная, точно боязливая, походка не вызывали никакого уваженія къ нему.

Мы не оставляли его ни одной минуты въ покоѣ. И, къ сожалѣнію, главнымъ зачинщикомъ былъ я. Я чувствовалъ себя лучшимъ знатокомъ его предмета и считалъ небылицей позволить ему сдѣлать мнѣ какое-нибудь замѣчаніе.

И когда онъ мнѣ его дѣлалъ, то я начиналъ его передразнивать и, конечно, всѣ были на моей сторонѣ. Но это не ограничивалось однимъ смѣхомъ, а превращалось въ безпорядочный гулъ.

Въ началѣ Сороконожка самъ смѣялся вмѣстѣ съ нами и просилъ насъ возстановить тишину; а потомъ, когда подобное поведеніе наше ему надоѣло, онъ сталъ угрожать наказаніями, но дальше угрозъ не пошелъ; наше-же поведеніе отъ этого становилось еще невыносимѣе. Вліяніе нашихъ дерзостей на учителя мы, конечно, замѣчали. День-ото дня онъ становился блѣднѣе и, болѣе углубившись въ самого себя, онъ уже съ большимъ трудомъ продолжалъ свои занятія; его прежній веселый взглядъ исчезъ и уступилъ мѣсто страдальческому выраженію. Замѣтно было, что онъ страдалъ, [но мучить его намъ доставляло большое удовольствіе. Мы слишкомъ были еще молоды, чтобы понять всю несообразность нашихъ поступковъ.

Кому-то удалось, Богъ знаетъ гдѣ, раздобыть живую ящерицу и выпустить ее въ классѣ за урокомъ.

Есть люди, которые очень боятся почему-то мышей и лягушекъ; былъ такимъ и нашъ бѣдный Сороконожка. Увидѣвъ ящерицу онъ поблѣднѣлъ, вскочилъ съ своего мѣста и подбѣжавъ къ ней, дрожащимъ отъ волненія голосомъ спросилъ:

— Чѣе это пресмыкающееся?

Мы молчали. Растерявшись, онъ сталъ насъ почти умолять, чтобы мы убрали эту ящерицу и выбросили ее за окно. Но мы этого не сдѣлали, а

одинъ изъ насъ даже выскочилъ на середину класса, схватилъ животное за хвостъ и сунулъ его бѣдному Сороконожкѣ за шею. Чтò долженъ былъ испытывать этотъ несчастный человекъ, пока, наконецъ, не пришелъ въ себя? Но и послѣ этого онъ не пожаловался на насъ директору.

— Трусъ! Трусъ! кричали мы всѣмъ классомъ.—Онъ боится слабыхъ, беззащитныхъ созданий! Онъ боится даже мухъ!

Интересная сказка.

И больше всѣхъ кричалъ я и нагло на него наступалъ.

Я былъ въ какомъ-то изступленіи. Бѣдный учитель весь поблѣднѣлъ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Въ это мгновеніе онъ представлялъ собою олицетвореніе страданья; губы его тряслись, но не произносили ни звука.

Послѣ того, какъ я немного успокоился, я сталъ ужъ раскаяваться въ своей горячности. Но прежнее злое чувство опять забушевало во мнѣ, когда Сороконожка послѣ урока потребовалъ, чтобы я отправился съ нимъ домой и по-дорогѣ сообщилъ ему, что именно я имѣю противъ него и за что я такъ къ нему несправедливъ?

Наша дорога шла по набережной, мимо рѣки. Ея ледъ подъ вліяніемъ весенняго тепла начиналъ уже таять; во многихъ мѣстахъ виднѣлись полыньи и сквозь нихъ блестѣла голубоватая вода.

Не глядя ни другъ на друга, ни по сторонамъ, мы шли впередъ, каждый занятый своими мыслями. Но когда мы приблизились къ самой рѣкѣ, то мой учитель вдругъ остановился.

— Тамъ случилось какое-то несчастье, сказалъ онъ, поглядѣвъ съ берега внизъ. И прежде, чѣмъ я могъ сообразить, онъ уже бѣгомъ бросился къ рѣкѣ. Я за нимъ.

— Что случилось? обратился онъ къ толпѣ.

— Да вотъ женщина какая-то съ ребенкомъ бросилась въ воду, отвѣтилъ какой-то старикъ.

— Но, Господи, воскликнулъ Сороконожка, — вѣдь ребенокъ еще плаваетъ!

И, дѣйствительно, между кусками льда плавало мокрое тѣло ребенка.

— Почему-же никто не хочетъ его спасти? спросилъ учитель.

Толпа взглянула на него, какъ на помѣшаннаго.

— Да развѣ это возможно, сударь? послышался отвѣтъ... — Со льдомъ плохія шутки!

И раньше, чѣмъ я оглянулся, у меня въ рукахъ уже лежали его пальто, шляпа и сюртукъ. Скинувъ верхнее платье и, не обращая вниманія на уговоры толпы, въ одинъ мигъ онъ бросился въ воду. Говоръ одобренія, какъ эхо, прошелъ по толпѣ.

— Хорошій баринъ! послышались голоса. — Храбрый господинъ!

А я? Я стоялъ тутъ-же на берегу. Кровь прилила мнѣ къ лицу и я не зналъ, что мнѣ дѣлать. Въ моихъ рукахъ было его пальто, а тамъ внизу, прижавъ безчувственное тѣлце къ своей груди, барахтался въ водѣ человекъ. Это былъ нашъ Сороконожка, нашъ учитель - трусъ, надъ которымъ мы такъ нагло издѣвались. И этого мужчину только часть тому назадъ я осмѣлился публично назвать трусомъ, этого благороднаго, лучшаго изъ всѣхъ людей, который жертвовалъ теперь своею жизнью тамъ, гдѣ другіе, въ томъ числѣ и я, — не тронулись съ мѣста. И мнѣ стало какъ-то неловко. Точно ледъ, окружавшій до сихъ поръ мое

сердце, разстаялъ. Я былъ весь во власти охватившаго меня чувства и, закрывъ лицо руками, сталъ плакать, плакать безъ конца...

А прійдя домой, отъ острой душевной боли я кусалъ свое одѣяло и горячія слезы раскаянія капали на подушки. Только подь утро я заснулъ.

На другой день Сороконожка на урокъ не пришелъ. На третій день его не было опять. На четвертый нашъ директоръ объявилъ намъ, что послѣ своего подвига нашъ учитель опасно захворалъ и что можно ожидать плохого исхода его болѣзни. Онъ боленъ, и это ошеломило меня. Я рѣшилъ во что бы то ни стало его повидать и попросить у него прощенья. Я такъ и сдѣлалъ. Послѣ урока я отправился къ нему; у него былъ жаръ и, по предписанію врача, ему были запрещены какіе-бы то ни было разговоры, могущіе его взволновать. Да, теперъ это являлось для меня жестокимъ наказаніемъ, но я его заслужилъ. Какъ я страдалъ теперъ отъ различныхъ предположеній? А что если учитель помретъ? Что если онъ такъ и не узнаетъ, что я горько раскаялся въ своемъ поступкѣ? Наступила весна, я собиралъ букеты и отправлялъ ихъ своему учителю, какъ свой привѣтъ. Я забѣгалъ справляться объ его здоровьѣ, иногда по два, по три раза на день. Наконецъ однажды меня допустили къ нему. Взволнованный, я переступилъ порогъ комнаты больного и не въ состояніи что-либо

сказать, бросился къ его креслу, и сталъ рыдать. Когда-же я потомъ взглянулъ на него, то на лицѣ его сіяла улыбка. Онъ меня простилъ! Потомъ передъ Пасхой я какъ-то встрѣтилъ его въ городскомъ саду. Блѣдный, осунувшійся, онъ грѣлся на солнышкѣ и былъ не одинъ. Около него игралъ песочкомъ какой-то мальчикъ. Это былъ спасенный имъ сирота. Никто не хотѣлъ пріютить у себя ребенка, и онъ взялъ его къ себѣ. Съ какимъ уваженіемъ глядѣлъ я теперъ на него, стараясь поймать малѣйшій его взглядъ! Теперъ я его отлично понималъ! И когда я кончалъ затѣмъ гимназію и сдалъ мой послѣдній экзаменъ, то однимъ изъ первыхъ меня поздравилъ Сороконожка.

— Примите мои наилучшія пожеланія, Петровъ, сказалъ онъ мнѣ,—и останьтесь и въ жизни такимъ же хорошимъ человѣкомъ, какимъ вы были до сихъ поръ...

Дядя умолкъ. Онъ пристально глядѣлъ на изрѣдка вспыхивавшіе уголья въ каминѣ и весь отдался своимъ воспоминаніямъ; я зналъ, что такъ онъ можетъ сидѣть цѣлые часы, и тихо, на цыпочкахъ, вышелъ изъ комнаты и побрелъ къ себѣ домой.

Но уходилъ я отъ него съ свѣтлой надеждой на будущее, съ вѣрой въ людей. Да, я былъ правъ: дядя не оставилъ меня страдать одного, онъ помогъ мнѣ, своимъ рассказомъ онъ показалъ мнѣ, какъ нужно смотрѣть на людей и какъ относиться къ ихъ поступкамъ.

Е. Л-на.

Пѣснь ангеловъ.

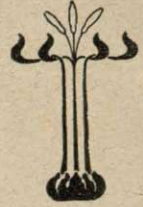
Скворцы прилетѣли!

НА ЗАРѢ НОВОЙ ЖИЗНИ.

Историческая повѣсть.

(По Ben-Hur, by Lew. Wallace).

(Продолженіе).

ХІ.

— Сынъ Хура, торжественно обратился къ Иудѣ Симонидъ,—я признаю, что ты именно то самое лицо, за которое себя выдаешь.

Сердце Бенъ-Хура затрепетало.

— Симонидъ, отвѣчалъ онъ:— да будетъ съ тобою миръ Бога нашихъ отцовъ!

Симонидъ низко поклонился ему и обратился къ Эсфирю:

— Дочь моя, предложи своему господину стулъ!

Эсфирь принесла скамью, подставила ее ему и покраснѣла.

— Садись, мой господинъ, сказала она.

Бенъ-Хуръ взялъ отъ нея сидѣнье и, подойдя къ креслу Симонида, помѣстилъ его у ногъ купца.

— Позволь мнѣ сѣсть здѣсь, сказалъ онъ.

Наклоненіемъ головы Симонидъ выразилъ свое согласіе.

— Эсфирь, дитя мое, сказалъ онъ,— принеси мнѣ документы.

Она подошла къ одной изъ шкапулокъ, открыла ее и, доставъ оттуда документы, передала ихъ отцу. Симонидъ, въ свою очередь, передалъ ихъ Бенъ-Хуру.

— Прочти ихъ, обратился онъ къ нему.

— Когда-нибудь послѣ, отвѣтилъ Бенъ-Хуръ.—А теперь скажи мнѣ то, что ты и Ильдеримъ хотѣли мнѣ сказать, когда посылали за мной Маллуха.

— Эсфирь, поди сюда, обратился къ дочери Симонидъ;—стань рядомъ со мною и гляди своему господину съ покорностью въ глаза. Теперь его воля для насъ съ тобой священна. Отладимъ-же ему отчетъ во всемъ!

Дочь подошла къ нему и обняла его за шею. Глаза Симонида засверкали.

— Сынъ Хура, началъ онъ.— Я сохранилъ и умножилъ богатства твоего отца, которыя мнѣ удалось спасти отъ римлянъ. Въ этихъ документахъ отчетъ. Сосчитай все, что тамъ написано, и ты окажешься самымъ богатѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Съ этими деньгами ты можешь дѣлать все!

Бенъ-Хуръ поднялся, борясь съ охватившимъ его волненіемъ.

— Симонидъ! воскликнулъ онъ. Я не могу допустить, чтобы ты былъ великодушнѣе меня! Будь же ты моимъ свидѣтелемъ, шейхъ Ильдеримъ.

Выслушай меня и ты, прекрасная Эсфирь, добрая дочь своего благороднаго отца!

Онъ протянулъ къ Симониду руку.

— Все, перечисленное въ этихъ документахъ, сказалъ онъ,—корабли, дома, товары, верблюды, лошади, деньги—все это я возвращаю, Симонидъ, тебѣ. Владѣй всѣмъ этимъ на здоровье! Владѣй и будь попрежнему свободенъ!

Эсфирь сквозь слезы улыбнулась. Ильдеримъ улыбнулся тоже и глаза его заблестали. Одинъ Симонидъ оставался спокоенъ.

— Ты даешь свободу мнѣ, сказалъ онъ,—но подумалъ-ли ты о томъ, что и Эсфирь—твоя рабыня? Подумалъ-ли ты о томъ, что ты не имѣешь права освободить меня, а слѣдовательно и ее, потому что я сталъ рабомъ твоимъ на вѣки? Развѣ я не купилъ такой цѣной себѣ жену? Развѣ моя покойная жена Рахиль тоже не была вѣчной рабыней твоего отца?

Бенъ-Хуръ шагаль по комнатѣ, понявъ, что безсиленъ исполнить то, чего такъ сильно хотѣлъ.

— Хорошо, сказалъ онъ наконецъ.—Если такъ, если законъ настолько дѣлаетъ тебя и твою дочь моими рабами, то будь мнѣ вторымъ отцомъ, Симонидъ! Помоги мнѣ быть достойнымъ тебя и моего отца и я самъ буду слушаться тебя, какъ твой послѣдній рабъ!

Лицо Симонида просіяло.

— О, сынъ моего покойнаго госпо-

дина! воскликнулъ онъ.—Вѣдь именно этими твоими словами ты и доказываешь, что ты благородный Иуда-Хуръ! Да, ты не обманщикъ, ты именно тотъ, о возвращеніи котораго я такъ всегда мечталъ и о которомъ всегда такъ горячо молился!

И обратившись къ Эсфири, онъ строго ей сказалъ:

— Теперь ты, рабыня Эсфирь, говори! Проси у своего господина, чего желаешь...

Она отошла отъ отца и стояла съ минуту въ нерѣшительности, то краснѣя, то блѣднѣя. Затѣмъ она подошла къ Бенъ-Хуру и сказала:

— Господинъ, дозвожь мнѣ остаться при моемъ отцѣ.

Иуда взялъ ее за руку и отвелъ ее обратно къ креслу.

— Дѣлай такъ, отвѣтилъ онъ,—какъ сама желаешь.

Симонидъ снова положилъ ея руку къ себѣ на плечо и на время въ комнатѣ водворилось молчаніе.

— Богатство, началъ онъ наконецъ,—которое я сейчасъ передаю тебѣ, господинъ, увеличилось въ моихъ рукахъ въ нѣсколько разъ и я часто удивлялся самъ своему успѣху. Самумы, губившіе караваны въ пустынѣ, какъ-бы обходили мои. Бури, разбивавшія корабли, только быстрѣе пригоняли мои къ пристани. Прикованный своей болѣзнию къ этому креслу, какъ неживое существо, я никогда не терпѣлъ ни малѣйшей потери. И часто я самъ себѣ задавалъ вопросъ: — Почему это? Для

чего нужно, чтобы я такъ богатѣлъ? И всѣ эти года я былъ вполнѣ увѣренъ, что если успѣхомъ моихъ предприятий руководитъ Богъ, то въ свое время Онъ укажетъ мнѣ, для чего это было необходимо. И вотъ теперь я понимаю все.

Бень-Хуръ слушалъ, напрягая вниманіе.

— Много, много лѣтъ тому назадъ, продолжалъ Симонидъ, — я сидѣлъ со своей покойной женою у дороги на сѣверъ отъ Іерусалима. И вотъ появились какіе-то три всадника на громадныхъ верблюдахъ, бѣлыхъ, какихъ я никогда не видалъ. Первый изъ нихъ остановился и задалъ мнѣ вопросъ: — «Гдѣ родившійся Царь іудейскій? Мы видѣли звѣзду Его на востокѣ и пришли поклониться Ему». Я не могъ понять, чего они хотятъ, но послѣдовалъ за ними. И къ каждому встрѣчному, даже къ стражѣ у воротъ, они обращались съ тѣмъ-же вопросомъ. Современемъ я позабылъ объ этомъ, хотя тогда много и говорили по этому поводу, какъ о предзнаменованіи Мессіи. Потомъ я убѣдился въ этомъ. Но, кажется, ты видѣлъ уже Валтасара?

— Да, и слышалъ его разсказъ, отвѣчалъ Бень-Хуръ.

— Не правда-ли это истинное чудо? воскликнулъ Симонидъ. — Господинъ, ты силенъ, одаренъ богатствомъ и знаешь, что такое страданія несчастныхъ. Ты самъ глубоко и тяжело страдалъ. Вспомни-же и о другихъ несчастныхъ, труждающихся

и обремененныхъ, которыхъ некому обласкать, покормить и напоить. Пользуйся дарами, ниспосланными тебѣ Богомъ! Служи Ему! Вотъ та цѣль, ради которой онъ послалъ намъ богатства.

Бень-Хуръ въ задумчивости молчалъ.

— Вѣришь-ли ты въ то, продолжалъ Симонидъ, — что скоро долженъ явиться Мессія?

— Вѣрю! рѣшительно отвѣтилъ Бень-Хуръ.

— И что-же? спросилъ Симонидъ. — Если Онъ придетъ и понадобится послужить Ему деньгами, неужели ты не удѣлишь Ему изъ своихъ богатствъ? Вѣдь Валтасаръ говоритъ, что Онъ бѣденъ, что Онъ родился въ ясляхъ и въ пещерѣ, а не въ роскошномъ дворцѣ... Онъ самъ держалъ Его на рукахъ!

Глаза Іуды засверкали.

— Удѣлить? воскликнулъ онъ. — Да я отдамъ Ему все до послѣдняго гроша и мою жизнь до послѣдняго издыханія!

При этихъ словахъ Ильдеримъ вскочилъ.

— О, если-бы мнѣ вернуть мою молодость! воскликнулъ онъ. — Я тоже пошелъ-бы вслѣдъ за Христомъ!

И передъ Іудой открылась вдругъ новая жизнь. Теперь онъ понималъ, для чего онъ живетъ, для чего понадобилось, чтобы онъ испыталъ столько несчастій, такъ много страдалъ. Теперь онъ понялъ, зачѣмъ такъ таинственно судьба столкнула

его съ Валтасаромъ и зачѣмъ дала ему въ руки такія колоссальныя богатства. Онъ пойдетъ за Христомъ, онъ послужитъ Ему всею своею душой, и если то лицо, о которомъ говоритъ Валтасаръ, дѣйствительно окажется Мессіей, то онъ приготовить для него пути.

— Но что-же дѣлать теперь? спросилъ онъ. — Неужели мы должны сидѣть молча и ждать, когда насъ призоветъ самъ Христосъ?

— Нѣтъ, отвѣтилъ Ильдеримъ, — ты долженъ еще унижить Римлянъ. Собака и верблюдъ помнятъ обиду, не забывай-же ее и ты!

И оба простились съ Симонидомъ и Эсфирью и отправились обратно въ роццу пальмъ.

Была ночь. Свѣтили звѣзды и небо было похоже на большую бархатную подушку, утыканную булавками съ драгоценными камнями.

ХІІ.

Наканунѣ скачекъ лошади Ильдерима были переведены въ городъ. Переводили ихъ самъ Ильдеримъ и Бенъ-Хуръ. По пути они встрѣтили поджидавшаго ихъ Маллуха. Когда они поровнялись съ нимъ, то онъ сунулъ Ильдериму въ руку какую-то бумагу.

— Симонидъ приказалъ тебѣ это прочесть, сказалъ онъ. А затѣмъ онъ обратился къ Бенъ-Хуру со словами. — Не могу-ли я быть тебѣ въ чемъ-нибудь полезнымъ, сынъ Аррія?

Глаза Иуды засверкали.

— Ты, Маллухъ, оказалъ-бы мнѣ величайшую услугу, сказалъ онъ, — еслибы сдѣлалъ такъ, чтобы вся публика во время скачекъ смотрѣла только на Мессалу и меня.

— Какъ-же это сдѣлать? спросилъ Маллухъ.

— Предлагай за меня громадныя пари. Не останавливайся ни передъ чѣмъ. Предлагай пари на десятки милліоновъ и если согласится Мессала состязаться со мной, то тѣмъ лучше: я его разорю. Все равно я обгоню его и онъ проиграетъ мнѣ то, что поставитъ за себя. Такимъ образомъ я отниму отъ него то, что онъ-же у меня нагребилъ.

— Но милліоны — это громадная сумма! сказалъ Маллухъ. — Гдѣ мнѣ ее взять!

— Въ такомъ случаѣ передай Симониду, отвѣтилъ ему Бенъ-Хуръ, — что я приказываю ему устроить все.

Маллухъ почтительно поклонился ему и, не посмѣвъ возразить, покорно отправился къ Симониду.

А тѣмъ временемъ Ильдеримъ развернулъ бумагу.

— Что это значитъ? воскликнулъ онъ.

Это было объявленіе о скачкахъ.

— Прочти! обратился онъ къ Бенъ-Хуру.

Иуда взялъ объявленіе и прочиталъ: «Сегодня на скачкахъ будетъ участвовать четверка лошадей Ильдерима. Править ею будетъ еврей, бѣжавшій каторжникъ Бенъ-Хуръ».

— Но вѣдь здѣсь никто не знаетъ,

что ты Бенъ-Хуръ? воскликнулъ Илдеримъ.

Бенъ-Хуръ взглянулъ на Илдерима и вся кровь прилила ему къ лицу. Такъ наглый Мессала старался очернить своего врага!

Они отправились далѣе и стали устраивать на новомъ мѣстѣ своихъ лошадей. Онѣ чувствовали себя не дома, удивленно озирались по сторонамъ, фыркали и лизали щеки своему хозяину и Іудѣ.

А тѣмъ временемъ Мессала сидѣлъ у себя въ богатомъ дворцѣ, кутилъ со своими друзьями и беззаботно разговаривалъ съ ними о томъ, что не найдется ни одного человѣка въ мірѣ, который могъ-бы обогнать его на предстоящихъ скачкахъ.

Какъ вдругъ за дверью раздались голоса.

— Хозяинъ, обратился къ Мессалѣ вошедшій слуга. — Тамъ какой-то еврей желаетъ тебя видѣть.

— Пусть войдетъ, отвѣтилъ Мессала.

Вошедшій былъ почтенный еврей. Это былъ одинъ изъ рабовъ Симонида Амбаллатъ, переодѣтый финикійскимъ купцомъ. Въ то время, какъ онъ входилъ къ Мессалѣ, у воротъ дворца его дожидался Маллухъ, который зналъ этотъ секретъ, и искренно смѣялся себѣ въ кулакъ.

Одежда Амбаллата была безукоризненно бѣла. Подойдя къ Мессалѣ, онъ расправилъ ее важнымъ жестомъ и сѣлъ, поднявши точно случайно руку вверхъ. Блескъ брилліантовъ на

его перстняхъ заставилъ всѣхъ гостей притихнуть. Это были брилліанты Симонида.

— Римляне, сказалъ онъ, — привѣтствую васъ!

— Кто онъ такой? спросилъ одинъ изъ гостей.

— Какая-то жидовская собака Амбаллатъ, отвѣтилъ другой.

Мессала поднялся и сдѣлалъ ему привѣтъ рукою.

— До меня дошли слухи, началъ Амбаллатъ, — что ты такъ искусно ѣздишь на колесницѣ, что тебя не можетъ обогнать никто.

— Да, отвѣтилъ Мессала: — Меня до сихъ поръ еще не обгонялъ никто.

— Я держу пари на десять милліоновъ, что завтра тебя обгонитъ объявленный на афишѣ, бѣглый ка-торжникъ, еврей Бенъ-Хуръ.

— Этого не можетъ быть, воскликнулъ Мессала и весело расхохотался. — Я держу пари на пятнадцать милліоновъ, что я его обгоню. Если онъ придетъ первымъ, то пусть онъ беретъ себѣ всѣ эти 15 милліоновъ!

— Въ такомъ случаѣ я ставлю за Бенъ-Хура 20 милліоновъ, предложилъ Амбаллатъ. — Если ты его обгонишь, то бери ихъ себѣ. А если обгонитъ тебя Бенъ-Хуръ, то ты долженъ будешь уплатить ему столько-же.

— Согласенъ! воскликнулъ Мессала и глаза его засверкали при одной только мысли о томъ, что завтра-же онъ получитъ еще одно не-

ожиданное богатство.—Я согласенъ. Давай-же подпишемъ условіе!

Ни шума, ни движенія; всѣ точно оцѣпенѣли въ той позѣ, въ которой застала ихъ эта фраза Мессалы. Онъ вызывающе глядѣлъ на еврея, а еврей на него. Всѣ знали, что Мессала ставилъ на карту все, что имѣлъ.

— Я богатъ, вдругъ сказалъ Мессала.—Но чѣмъ-ты докажешь, что и ты не нищій, и отдашь мнѣ эти 20 милліоновъ, которые завтра проиграешь?

Амбаллатъ полѣзъ въ карманъ, досталъ изъ него бумагу и подалъ ее Мессалѣ.

— Читай, сказалъ онъ ему.

Мессала развернулъ ее и прочиталъ:

«Предъявитель сего, еврей Амбаллатъ, имѣетъ у меня на храненіи принадлежащіе ему сто милліоновъ рублей. Купецъ Симонидъ».

— Сто милліоновъ рублей? загудѣла толпа.—Вотъ такъ богачъ! Это побогаче нашего Мессалы, у котораго только 20 милліоновъ, а не сто!

Мессала чувствовалъ неловкость. Амбаллатъ продолжалъ сидѣть и улыбка его становилась все насмѣшливѣе и злѣе. Мессала отъ волненія дрожалъ.

— Я согласенъ, сказалъ онъ наконецъ.

— Въ такомъ случаѣ давай обмѣняемся росписками, предложилъ ему Амбаллатъ.

И они присѣли къ столу и стали писать росписки.

Вслѣдъ за тѣмъ Амбаллатъ всталъ, оглянулся горделиво по сторонамъ и торжественно вышелъ.

— Ну, что? обратился къ нему съ нетерпѣніемъ ожидавшійся его Маллухъ.

— Мессала разоренъ! отвѣтилъ ему Амбаллатъ и, подобравъ свои одежды, оба раба побѣжали съ докладомъ къ Симониду.

Они неслись къ нему во весь духъ.

За ночь слухъ о громадномъ пари облетѣлъ весь городъ. Лежа около своихъ лошадей, Бенъ-Хуръ узналъ, что Мессала рискнулъ всѣмъ своимъ состояніемъ,—и тутъ-же, въ конюшнѣ, заснулъ, какъ дитя.

А Амбаллатъ явился къ Симониду и сказалъ ему:—

— Господинъ, я сдѣлалъ все, какъ ты мнѣ приказалъ.

По ту сторону Помпейскихъ воротъ въ Антиохіи раздаются звуки инструментовъ и голоса, выступаетъ хоръ и за нимъ тянется процессія. Этимъ начинается празднество. Впереди идутъ распорядитель и гражданскія власти, всѣ въ пышныхъ одеждахъ и въ вѣнкахъ. За ними несутъ роскошно изукрашенныя изображения боговъ. Затѣмъ шествуютъ участники предстоящихъ на скачкахъ состязаній, каждый въ томъ костюмѣ, въ которомъ онъ будетъ управлять лошадьми.

Медленно выступая, процессія об-

Больной ребенокъ.

Котичий концертъ.

ходить вокругъ всей арены. Знаки одобренія раздаются ей на встрѣчу. Къ великолѣпную колесницъ, къ необыкновенной красотѣ лошадей, къ довершенію очарованія, присоединяется еще и наружность ѣздоковъ. Ихъ безрукавныя туники сшиты изъ тончайшей матеріи яркихъ цвѣтовъ. Верховой сопровождаетъ каждыя изъ нихъ, за исключеніемъ Бенъ-Хура, который выступаетъ одинъ, съ непокрытой головой.

При ихъ приближеніи зрители вскакиваютъ на скамьи и крикъ усиливается; съ балконовъ цѣлой бурей сыплются роскошныя цвѣты; ударяясь о наѣзниковъ, они падаютъ подъ колесницы и въ колесницы и наполняютъ ихъ до верху. Лошадей обвиваютъ шелковыми лентами и гирляндами изъ цвѣтовъ.

По мѣрѣ движенія колесницъ по кругу возбужденіе возрастаетъ. На галереяхъ уже не кричатъ, а орутъ. Раздаются крики: Мессала, Мессала! Ты нашъ великій, прекрасный Римлянинъ!

И только изрѣдка слышатся робкіе голоса:—Бенъ-Хуръ, Бенъ-Хуръ!

По минованіи процессіи всѣ зрители вновь усаживаются на свои мѣста и возобновляется разговоръ.

— Какая великолѣпная колесница у Мессалы! говоритъ одинъ.— Вся изъ золота и слоновой кости!

— Совершенно справедливо, отвѣ-

чаетъ другой.— Но приходилось-ли тебѣ когда-нибудь видѣть кого-либо хладнокровнѣе и увѣреннѣе этого Бенъ-Хура? А какая сильная у него рука!

— А какіе кони! восклицаетъ третій.

— И къ тому-же, прибавляетъ четвертый, — говорятъ, что онъ отлично умѣетъ ѣздить на колесницѣ!

— Да, но вѣдь онъ бѣглый ка-торжникъ, еврей Бенъ-Хуръ!

— Не вѣрьте, не вѣрьте! Это—простая сплетня. Онъ настоящій римлянинъ и его отецъ — былъ великій трибунъ!

— Да, да, его отецъ—великій трибунъ Аррій! Посмотрите, какъ онъ красивъ собой и какіе у него замѣчательные кони!

И повсюду стали раздаваться похвалы Бенъ-Хуру. Когда-же шествіе наконецъ прекратилось, то Бенъ-Хуръ уже зналъ, что и на его сторонѣ есть сочувствующіе зрители.

Теперь глаза всего востока будутъ устремлены на его состязаніе съ Мессалой.

А въ это время Мессала ѣхалъ на своей разукрашенной колесницѣ изъ золота и слоновой кости, и думалъ такъ:

— «Я буду богатъ или разоренъ. Я могу проиграть все, что до сихъ поръ имѣлъ».

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОЧАРОВАННЫЙ ЛЕБЕДЬ.

(Нѣмецкая сказка).

У одного короля былъ единственный сынъ, котораго онъ очень любилъ. Королева же, его мачеха, ненавидѣла его и старалась всѣми силами ему вредить. Когда сынъ достигъ совершеннолѣтїя, король рѣшилъ передать ему управленіе всей страной. Онъ не обращалъ никакого вниманія на злыя навѣты своей жены, которая никакъ не могла съ этимъ помириться. Увидѣвъ, что король непреклоненъ въ своемъ рѣшеніи, она отправилась тайкомъ къ колдуньѣ и попросила ее помочь ей навсегда устранить молодого пасынка съ ея пути.

— О, это очень легко! отвѣтила ей вѣдьма,—стоитъ только вырвать у него съ головы три волоса, тогда онъ будетъ въ моей власти.

Королева пообѣщала старухѣ богатую награду и ушла.

Съ тѣхъ поръ стала колдунья слѣдить за каждымъ шагомъ молодого принца, и когда, однажды, уставши на охотѣ, онъ прилегло отдохнуть подъ деревомъ, она тихонько подкралась къ нему и отрѣзала три волоса изъ его локона. Но при взглядѣ на юношу, который всегда былъ добръ ко всѣмъ, она смягчилась и рѣшила его спасти.

И вотъ видитъ принцъ во снѣ: передъ нимъ стоитъ вѣдьма и гово-

ритъ ему: — «Превратись въ бѣлаго лебедя и если ты съумѣешь въ этомъ видѣ завладѣть сердцемъ принцессы, то ты будешь свободенъ, а твой заклятый врагъ—королева обратится въ отвратительнаго паука». Когда принцъ проснулся, то онъ увидѣлъ себя въ бѣломъ опереньи, съ двумя крыльями, съ длинной красивой шейей и съ птичьимъ носомъ. Онъ превратился въ лебедя. Съ удивленіемъ онъ оглядѣлъ себя, красиво взлетѣлъ на воздухъ и направился къ сосѣднему озеру.

Вскорѣ однако во дворцѣ замѣтили отсутствіе принца и когда онъ не вернулся къ вечеру, поднялась тревога. Королева представилась убитой горемъ, озабоченной. Король разослалъ всѣхъ своихъ слугъ на розыски и самъ тоже отправился. Цѣлыхъ три дня продолжались поиски. Наконецъ въ своемъ горѣ король обратился къ колдуньѣ. Она рассказала ему все, за исключеніемъ лишь того, что сама же принимала участіе въ превращеніи и исчезновеніи молодого принца.

А лебедь въ это время перелеталъ отъ одного озера къ другому и наконецъ поплылъ по большой рѣкѣ къ океану. Тутъ онъ замѣтилъ на высокой скалѣ бѣленькую голубку. Казалось, она ждала его, такъ

какъ не успѣлъ онъ поравняться съ ней, какъ она перепорхнула на плавную рядомъ съ лебедемъ вѣтку.

— Слѣдуй за мною, ласково обратилась она къ нему.

Лебедь согласился, и вотъ полетѣли они вмѣстѣ черезъ моря и земли и прилетѣли наконецъ въ большой паркъ, по срединѣ котораго находился старый замокъ. Весь онъ былъ украшенъ гирляндами живыхъ цвѣтовъ и пестрые флаги развѣвались на обвитыхъ плющемъ башняхъ,—завтра должна была состояться свадьба королевской дочери. Голубка указала лебедю на красивый прудъ, окруженный со всѣхъ сторонъ высокими пальмами.

— Жди здѣсь, сказала голубка и скрылась за деревьями.

Солнце было уже низко, когда наконецъ молодая невѣста вышла изъ дворца и съ низко опущенной головой направилась къ пруду. Она была такъ мила и прекрасна, что заколдованный принцъ не могъ оторвать отъ нея глазъ и, запѣлъ. Все нѣжнѣй и нѣжнѣй звучалъ его голосъ, все прекраснѣй и прекраснѣй становилась его пѣсня; принцесса въ изумленіи стала слушать и, наконецъ, подошла поближе къ пруду. Тамъ, среди водяныхъ лилій, качался на легкихъ волнахъ бѣлоснѣжный пѣвецъ; когда онъ уже былъ достаточно близко, она наклонилась надъ нимъ и стала его ласкать.

— Дорогой мой лебедь, говорила она,—если бы ты могъ знать, какъ

я несчастна.—И слезы медленно капались одна за другой изъ ея большихъ прекрасныхъ глазъ.—Завтра меня повѣнчаютъ съ однимъ княземъ, котораго я не люблю, но этого хотятъ родители и я должна повиноваться.

Долго еще жаловалась принцесса лебедю и прижималась къ нему. Онъ слушалъ ее такъ, точно понималъ каждое ея слово.

Настала ночь; мѣсяцъ украдкой выглянулъ сквозь верхушки деревьевъ и освѣтилъ прудъ. Принцесса отправилась къ себѣ домой. Тогда слетѣла бѣлая голубка ей на плечо и тихо ей шепнула:

— Выбери завтра утромъ бѣлаго лебедя себѣ въ мужья, тогда ты будешь свободна и счастлива.

И сказавши эти слова, она вспорхнула и улетѣла.

Рано утромъ на слѣдующій день, король отправился къ своей дочери, чтобы ввести ее въ брачный залъ, гдѣ ее уже ожидалъ ея женихъ. Тогда она стала его просить, чтобы онъ хоть немного, въ послѣдній разъ, прогулялся съ ней по саду. Отецъ согласился; они вышли изъ замка и, незамѣченные никѣмъ, направились къ пруду, гдѣ ее уже давно ожидалъ лебедь. Она нѣжно обняла его граціозную шею, поцѣловала его и сказала:

— Вотъ мой милый избранникъ!

И вдругъ случилось чудо! Вмѣсто птицы передъ принцессой и ея отцомъ оказался вдругъ молодой стройный

Въ Швейцаріи.

принцъ. Передъ глазами удивленнаго отца онъ взялъ дѣвущку за руку и назвалъ ее своей невѣстой. Она противъ этого ничего не возразила. Тогда онъ отправился въ ближайшую церковь, обвѣнчался съ ней и на слѣдующее же утро отправился въ золотой каретѣ со своей молодой женой на родину. Тамъ его уже давно оплакивали, какъ умершаго. Когда онъ вдругъ появился опять, въ сопровожденіи прекрасной принцессы, то радости и ликованью не было конца. И вдругъ злая мачеха-

королева, сама того не замѣчая, превратилась въ безобразнаго паука; она испугалась молодого принца, стала карабкаться на стѣну. Все толще и отвратительнѣе становилась она; а когда старый король передалъ своему вернувшемуся сыну правленіе страной, то она уползла куда-то далеко и больше ужъ ее никто никогда не видалъ.

А принцъ со своей молодой женой и съ отцомъ стали жить, поживать, всѣ ихъ любили и не было болѣе дружныхъ людей, чѣмъ они.

Изъ Герды Детмаръ.

ШУТОЧНЫЕ ВОПРОСЫ.

- 1) По какимъ книгамъ мы учимся?
- 2) Когда лошадь покупаютъ, то какая она бываетъ?

3) Шли два странника; одинъ сказалъ другому:—«Нѣтъ-ли у тебя чего-нибудь поѣсть?» Другой отвѣтилъ:—«У меня въ сумкѣ есть хлѣбъ да сыръ; если хочешь, то возьми!» Тогда первый отъ такого угощенія отказался. Почему онъ отказался?

(Предложилъ Витя Фаленковъ.)

- 4) Изъ половины игольнаго ушка что можетъ выйти?

ШАРАДЫ.

1) Задумано названіе рыбы, состоящее изъ трехъ слоговъ. Слогъ первый—рогатый звѣръ, а два вторые—дерево. Какая это рыба?

2) Если къ половинѣ пилы прибавить цѣлый вѣкъ, то что выйдетъ?

3) Какое слово пишется такъ-же, какъ и сотня некрасивыхъ лицъ?

АРИФМОГРАФЫ.

I.

Задуманное слово состоитъ изъ четырнадцати буквъ—1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14 и означаетъ названіе уѣзднаго города на Кавказѣ. Буквы 11. 3. 9. 12 означаютъ принадлежность для письма; 2. 6. 5. 4. 1—маленькаго хищнаго звѣрка; 5. 3. 13. 14. 8. 14—рыбу; 10. 5. 12. 4. 1—водяную траву; 7. 3. 1. 11. 12. 13. 14—городъ въ Италіи; 4. 1. 2. 3. 7. 8. 6. 9. 14—книгу съ указаніемъ чиселъ, мѣсяцевъ и дней; 11. 13. 6. 4. 5. 1—ребенка, любящаго по-

плакать; 5. 12. 9. 10. 4. 6—птицу; 2. 1. 8. 10. 7. 14—часть руки; 2. 1. 7. 14—животное; 4. 1. 9. 6. 5. 14—рыбу, водящуюся въ прудахъ.

Какія это слова и названіе какого города задумано?

(Предложилъ А. Вилькенъ).

II.

Задуманное слово состоитъ изъ двѣнадцати буквъ—I. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12 и означаетъ названіе уѣзднаго города въ одной изъ южныхъ губерній. Буквы 6. 7. 8. 11. 3—означаютъ звѣрка съ пушистымъ

хвостомъ; 2. 3. 6. 3. 11. 12—растеніе; 1. 5. 6. 3. 11. 3—хищное животное, которое любитъ человѣка, 4. 3. 6. 5. 2. 3—то, безъ чего человѣкъ не можетъ жить; 10. 5. 11. 5. 8. 12—хищную птицу; 11. 5. 8. 6. 3. 10. 3—закуску; 1. 2. 3. 8. 9—металлъ; 10. 2. 3. 4. 5. 1. 2. 11—то, что неизбѣжно ни для кого и ни для чего; 8. 7. 2. 5.—время года; 11. 5. 10. 2. 9—часть тѣла человѣка, животныхъ, рыбъ и птицъ; 10. 7. 4. 3—горючее вещество.

Какія это слова и названіе какого города задумано?

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Полные экземпляры «Золотого Дѣтства» за истекшій годъ, со всѣми приложеніями, высылаются по **три рубля** за годъ. Въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ—**на 65 коп. дороже**. За пересылку: въ предѣлахъ Европейской Россіи и Закавказья по 45 коп. съ экз. и въ Западную Сибирь и Туркестанъ по 65 коп. съ экз. Въ Восточную Сибирь не посылается вовсе.

Крышки для переплетовъ, отдѣльно,—по 45 коп. За пересылку— по разстоянію.

МАРТЫШКА И МУЗЫКАНТЪ.

Усердно исполняя дѣло,
На контрабасѣ онъ пилилъ.

Она же издали глядѣла,
Какъ выбивался онъ изъ силъ.

И ей, мартышкѣ, странно было,
Что онъ трудился цѣлый часъ,

Она пилу съ гвоздя схватила
И распилила контрабасъ.

Удодъ.

Годъ изданія третій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

- 1) Повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія.
- 2) Путешествія.
- 3) Біографіи знаменитыхъ людей.
- 4) Статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений.
- 5) Рассказы изъ жизни племенъ и народовъ.
- 6) Рассказы изъ жизни святыхъ.
- 7) Статьи по хозяйству и домоводству.
- 8) Игры и занятія.
- 9) Ноты для пѣнія и игры на фортепіано.
- 10) Каррикатуры и смѣшныя исторіи въ картинкахъ.
- 11) Загадки, ребусы, шарады.
- 12) Романы, повѣсти и рассказы изъ Русской исторіи.
- 13) 12 вырѣзныхъ выкроекъ для дѣтскихъ костюмовъ.
Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома безъ помощи портнихи.
- 14) Картонажи для склеиванія и другія приложенія.
- 15) Смѣсь: различные рецепты, анекдоты, шутки и проч.
- 16) Почтовый ящикъ для переписки съ подписчиками.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 3 р. 80 к.

**Допускается разсрочка: при подпискѣ—2 р. и къ 1-му Апрѣля
остальные—1 р. 80 к.**

Подписка принимается: въ Конторѣ журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Матвѣевская, 3, уг. Пушкарской, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

За перемѣну адреса—28 коп.

Подписной годъ съ 1-го ноября.

Редакторъ-Издатель М. П. Чеховъ.